

ИГОРЬ СОХАНЬ,

прозаик и публицист, Канада

Принцип самодостаточности

В статье больше вопросов, чем ответов. Процесс глобализации помог многим странам достичь относительного благополучия в исторически ничтожные сроки. Быстрый рост мировой экономики стал сопровождаться кризисами в самых крупных экономиках. Возможно, пришла пора сделать остановку, чтобы разобраться, нужно ли торговать с другими странами, можно ли воевать с близкими соседями и какие способы есть у государства, чтобы заставить собственных граждан работать?

Мы будем говорить о самодостаточности государства, чтобы понять, насколько возможно и нужно ли сохранять, развивать крупное государство, не используя преимуществ в сфере торговли, не привлекая другие страны для собственного развития и процветания, а просто будучи самим собой и решая только внутренние проблемы.

Чтобы говорить о самодостаточности государства, необходимо сопоставлять. Трудно сравнить “некие” государства и решить, “какое лучше либо больше или меньше стоит”, какое может быть самодостаточным, какое нет.

Умение сравнивать страны — это искусство, если не манипулирование фактами, ловкий обман, который трудно оспорить. Страны сравнивают по совокупности показателей ради определенной цели, поэтому редко можно встретить сравнения Сингапура (исторически маленькая часть Малайзии) и Гренландии (большая часть Дании).

В современном мире сформировались несколько крупных стран, или конгломератов стран, которые часто сравнивают между собой и по отношению к которым принято сравнивать другие: Европейский Союз, США, Китай, далее следуют Япония, Австралия, Россия, Индия, Южная Корея, Бразилия, Нигерия...

Попробуем сравнить Россию и США, но так, чтобы по возможности не использовать известные экономические показатели, которые мало что скажут о судьбе страны в перспективе 10, 20 и 30 лет.

Россия — крупнейшая в мире страна по территории, но она окружена разными по уровню развития и государственному устройству странами, отягощена неблагоприятными для жизни человека территориями севернее определенной широты. Можно ли сравнивать Россию в плане территориальных богатств, например, с Фин-

ляндией, где проживает около 5 млн человек, или Россию нужно сравнивать с Турцией, население которой составляет чуть более половины российского?

Сравнение — дело непростое, оно имеет свои хитрости.

Наибольшие территории в начале XXI века имеют Российская Федерация и США. США — очень сложная, необычная страна, редкая, компактная. Штатам, можно сказать, повезло. На севере Канада. Территория США и Канады в совокупности больше России. Канада — отдельное государство, но его язык, вера, культура близки США. В Канаде, с точки зрения конгломерации с США, франкоязычный Квебек с особенной культурой имеет удельный вес больше удельного веса Татарстана+Дагестана в России, но в политически неоформленном конгломерате США+Канада он меньше, и США+Канада — это более однородная конгломерация. Территориально США+Канада расположены существенно лучше России, поскольку эти две страны практически занимают весь материк. Учитывая географическую широту и компактность Северной Америки, которую с востока и с запада омывают два океана, наличие огромных запасов пресной воды (Великие озера, могучие реки), местоположение США+Канада “стоит” гораздо больше России. Нет смысла сравнивать страны по наличию природных ресурсов, поскольку они исчерпаемы, трудно добываемы, легко покупаемы, и не они делают государство государством, в котором удобно жить. Климат, вода, наличие хороших и, главное, отсутствие проблемных соседей стоит географически больше. В этом смысле США+Канада стоят куда дороже России при равенстве территорий.

В России проживает 140 млн граждан. США+Канада насчитывают 400 млн, если не больше, поскольку значительная часть Мексики тоже используется конгломератом США+Канада, тем более, что эти три страны объединены зоной свободной торговли NAFTA (охватывающей более 500 млн населения), а в южных штатах США многие понимают и изучают в школе испанский язык, на котором говорят мексиканцы.

Если не сравнивать США и Россию с точки зрения продуктивности других показателей, относящихся к темпам коммерческого или социального развития государств, о значимости которых можно спорить (ведь они порой оказываются краеугольным камнем), а ограничиться лишь размерами, ценным географическим положением и населением, США+Канада+Мексика должны быть намного дороже России.

В данной работе уже обозначен масштаб сравнения. Так, Европейский Союз еще как-то можно сравнивать с североамериканским конгломератом; Китай и Индия, видимо, еще ждут своего времени, но страны второго эшелона, включая Бразилию и Индонезию (население каждой превышает население РФ), пока очень далеки от этого.

Впрочем, страны могут иметь “стоимость” помимо площади и численности населения, и такие маленькие в этом отношении страны, как Сингапур, Швейцария, и более крупные малонаселенные скандинавские страны могут “стоять” больше Филиппин или Индонезии. Но через пару десятков лет (во всяком случае Филиппины) в таком отношении смогут иметь большую стоимость.

Россияотягощена геополитическим положением и историческими сложностями развития. Тогда как США заняли исключительную позицию на карте мира, что лишь умножает и без того богатый потенциал страны.

Можно требовать, чтобы США не использовали силовые рычаги в политических и экономических сделках. Бессмысленно спорить с сильным, спорить нужно со спорщиком. С сильным нужно показать свою силу, объединившись, чтобы можно было спорить. Мало показать силу в какой-то момент, поскольку такая сила может ничего не стоить через год или даже минуту. Сильного вчера могут отбросить на обочину при первом удобном случае. Вспомним великолепный и могущественный древний Рим, вспомним Египет или Персию. Однако почему сформировались понятия Османская, Римская, Австро-Венгерская, Российская, Британская империи, но не принято гово-

речь о Германской, Прусской, Французской, Индийской или Китайской империях и тем более о “Соединенно-Штато-Американской”, “Голландско-Нидерландской” или Датской? На мой взгляд, способность манипулировать историческими обстоятельствами — как в благоприятные, так и в неблагоприятные времена, умение всегда оставаться самодостаточными, бессильными, когда сила оказывается слабее хитрости, приобретать что-то и терять что-то, не калеча себя, — все это помогло этим странам стать не разрушенными империями, канувшими в Лету, а оставаться самими собой столько столетий. Можно только мечтать, например, о швейцарской империи, поскольку даже теоретически такая империя вряд ли возможна.

Динамика исторических процессов в XX веке ускорилась, и в конце столетия после ряда важнейших событий, особенно значимых в масштабе четверти века — мировых войн, а затем распада сложной конфигурации мира, возникшей вокруг СССР в виде противостояния капиталистических и социалистических стран, экономические связи, наконец, не нарушаемые катастрофическими мировыми войнами, создали глобальный мир. Он забурился... Возникли пузыри внезапно раздувшихся стран. Эти пузыри то тут, то там лопались, поскольку пузыри — это пузыри, и они часто лопаются на финансовом, фондовом, имущественном рынках, причем лопаются пузырями — не всегда признак или предвестник катастрофы.

Мир в конце прошлого века, объединенный глобализацией, свободой, возможностью мгновенного развития по исторически коротким меркам, вдруг стал акселератором, взрослым подростком, который не научился пользоваться своими возможностями, поскольку “у папы и мамы это все начиналось не так и не столь рано” и, технически говоря, некому было акселератора научить.

Еще труднее осмыслить эти процессы, поскольку “мыслители” должны не только обрабатывать более широкий объем данных, но и, как всегда, общаться с другими “мыслителями”, а это требует времени, к тому же трудно найти взаимопонимание. В современном мире легче и быстрее создать и зарегистрировать компанию, которая приносит высокую прибыль, чем опубликовать статью в научном журнале. Мы должны учитывать инерционность процесса обсуждения.

Впрочем, можно остановиться и не спешить, поскольку у мир, кажется, тоже готов сделать остановку.

Остановиться и подумать, как жить.

Повторять ли то, что было раньше? Демократию принято ругать, и можно сделать состояние, ничего больше не делая, — только писать статьи, ругая демократию. Гитлер, Сталин и почтенный Мао выросли на заре новой банальной европейской демократии, которая возникла после Первой мировой войны и которую стали использовать формально, фивольно. Мир развивался не вопреки и не благодаря новым лидерам демократии, а мимо них.

Мир делает остановку. Думает. Это случилось впервые. Мир задумался.

Впервые мы поняли, что не нужно лезть в дом соседа, даже если открыта дверь, потому что мы уже понимаем, изучили, что там не найдем того, чего нет в нашем доме.

Умерла простая стратегия: поймай другого, посади в клетку, заставь делать то, что тебе нужно, и можешь сам ничего не делать. Например, создай совместное предприятие по разработке полезных ископаемых. Пригласи компаньона, замани в клетку; многие потянутся, все будут работать....

Нет, не будут.

Простая стратегия порождает проблемы, зависть и непонимание: почему я не могу закатать в банку других и пользоваться ими как консервированным тунцом или сардинами в масле, поскольку каждый человек может найти того, кого он может закатать в банку. Такая простая стратегия не работает.

XX век закончился. Он, увы, будет еще повторяться, но человек рано или поздно поймет, что нельзя баловаться другими людьми (спасибо Канту) как вещью.

В последние двадцать лет XX века оказалось выгодно выводить производство в страны дешевой рабочей силы, где, главное, люди работали. Это позволило дешево производить товары широкого потребления, которые везде имели спрос. Условно говоря: нефть и газ — это тоже товар широкого спроса, и проще добывать этот товар в других странах, в которых люди работают. Стимул работать один — “за большие деньги”, но при общей нищете большие деньги не могут иметь меновой стоимости. Это создало феномен, который в данной статье нет возможности обсуждать: зарабатывать большие деньги и не иметь возможности потратить, иметь возможность купить завод за среднемесячную зарплату обычного гражданина и не иметь желаний, поскольку, чтобы раскрутить этот завод, нужно иметь выход совсем на других людей и выбить крупные заказы с целью оживить производство, иначе работники, взбунтовавшись, могут засудить владельца как неэффективного собственника, посадить его в тюрьму, назло хозяину отдаться государству.

Создать закон легко, добиться исполнения трудно, но нет ничего проще, чем принять закон наказания неэффективного собственника. Проблема только в том, что если собственник неэффективен, что с него возьмешь, куда он убежит, а если собственник эффективен, где его найдешь, как догонишь.

Мы подошли к черте, которая разделила мир.

Торговля внутри государства легко отслеживается, если поставить кассовые аппараты в каждом магазине и требовать регистрации всех контрагентов. Во внешней торговле трудно уследить, как происходит процесс купли-продажи. Хорошо, когда торгуют товарами внутри страны. Это естественный процесс, который не нужно излишне регулировать.

Но мы должны понимать простую истину: любая внешняя торговля отличается от простого обмена и схемы *купи-продай*, поскольку работают наемные работники в других странах, которые больше ничего не добавляют стране покупателя. Покупая в другой стране, как бы приглашаешь гастарбайтеров, которых очень просто, кажется, выгнать из страны. Иная простота хуже воровства. Если работают: шьют, скорняжат, выпиливают, собирают механизмы работники в других странах, что остается делать собственным гражданам? Спекулировать на акциях, недвижимости, работать в головной компании, которая руководит филиалами, или в сфере обслуживания: в дорогих ресторанах, в массажных студиях. В любом государстве необходимы нянечки, уборщики, механики, так же, как учителя, ученые и управленцы. Проблема возникает, если вырвать из общества кластер производителей, заменив торговцами. Торговля — это специфическая форма деятельности. Торговля создает и разрушает цивилизацию. К торговле нельзя относиться, как к святому алтарному месту, главному источнику доходов, торговля значима для государства, формирует его, но торговля — подлая сила, поскольку сила производителей обычно бывает слабее торговли. Торговля — это также лучший способ спрятаться, обезличиться. Если в стране запрещен вывоз капитала, внешняя торговля позволит сделать так, чтобы прибыль оседала там, где хочешь. Внешняя торговля — наилучший способ спрятаться от критики для неэффективного государства.

Торговля занимает ведущее место и приносит большую прибыль, чем производство. Так сложилось на основе убеждения, что торговля — более рискованное предприятие, чем производство, поэтому и большая норма прибыли должна быть заложена в торговле. Тысячелетие торговля была рискованной деятельностью, поскольку караван мог погибнуть в песках, корабль попасть в шторм, перевернуться и осесть на глубине моря-океана. Все это было верно раньше, пока торговля не стала основным источником дохода не производителя, а государства, которое научилось получать прибыль от внешней торговли. Государству оказалось проще защищать внешнюю торговлю, чем своих производителей. Таким образом, прибыль от торговли могли получать не только торговцы, но и государство, которое обеспечивало защиту торговли. Если риск уменьшился, поскольку защитником готово стать государство,

торговля (потеряв статус рискованной операции) приобрела преимущество перед производством.

Возникшие неограниченные возможности в “свободном мире” создали ограничения в странах дорогой рабочей силы, в развитых странах. Не все могли найти работу в новых условиях, чтобы конкурировать с работниками в других странах. Опыт начала нового XXI века побуждает перейти к императиву — страны с населением более 300–500 млн человек должны обеспечивать себя сами, и внешнюю торговлю, вывоз активов или производства в другие страны нужно жестко контролировать, поскольку, приобретая дешевых работников, получаешь еще больше своих иждивенцев, граждан, которые имеют право голоса, но не имеют “достойной” работы. Прогносируют “они”, но “ты” работы не найдешь и не скажешь спасибо. Офшоризация производства = люмпенизации, и это может изменить страну.

Граждане при всей своей разнородности должны понимать общие ценности и быть готовыми платить за свой образ жизни. Опыт последних нескольких десятков лет отнюдь не убеждает нас, что можно жить в государстве, ничего не тратя и всем пользуясь.

Глобализация открыла для обсуждения проблему: можно ли использовать граждан своей страны или лучше, дешевле, выгоднее использовать наемных работников в других странах для решения каких-то внутренних и внешних проблем? Оказалось, можно, но все равно придется платить. Как только мы пришли к осознанию, что “за все нужно платить” (“торговый принцип”), то по отношению к государствам это означает, что граждане должны понимать мир, в котором живут: если работает кто-то другой в другом мире, а ты не работаешь, тебе лучше не будет. Глобализация оказалась совсем не такой, как мечталось, поскольку, естественно, возникают внутренние проблемы в государствах, которые надеялись, что могут просто использовать накопленный капитал: дороги, инфраструктуру, производственные мощности, интеллектуальный потенциал граждан, поскольку нельзя забывать основной капитал — трудовую этику, привычку трудиться, доверие к государству, которое трудно заслужить.

Проблема государства — как заставить граждан работать?

В этом я вижу исключительное право государства на насилие. Требовать соблюдать закон и подписанные договоренности могут частные фирмы, которые способны и карать преступника, возможно, не вполне легитимным, спорным, но действенным образом, например, звонить в три часа утра или постоянно стучать в дверь и требовать немедленно погасить долг.

Единственное, чего не могут делать частные фирмы: заставлять людей рожать чаще и работать больше. Это наивысшая прерогатива государства. Так, человек готов работать в одном государстве и не готов — в другом. Хорошее государство — это инкубатор, в котором хочется расти, работать и размножаться. Плохое государство — это виртуальная клетка, в которой понимаешь, что у тебя нет будущего. Бывают разные семьи (многие, кстати, распадаются), государство — это тоже своего рода семья. Семья — это условная близость личностей. Безусловная близость личностей, как говорят романтики, — это дружба, порой любовь. Государство же — это случайное объединение личностей, которые имеют свойство спланиваться. Так что государство — это естественное объединение личностей, которые на долговечно согласились принять одну устойчивую, постоянную цель. Но в реальном мире возникают сложности.

В демократическом обществе гражданина трудно заставить работать, поскольку легко сделать вид, что не можешь работать или не можешь найти работу. Известны случаи, когда обезьяны в зоопарках после родов вдруг опять необъяснимо быстро вновь показывали внешние признаки беременности. Как потом выяснялось — только ради того, чтобы их и дальше лучше кормили.

Демократия возникла, основываясь на принципе, что все должны работать, и только тогда люди равны. Человек, который работает, не может быть равен в общепринятой государственной системе координат человеку, который не работает не по-

тому, что не может, а потому что не хочет. Однако мы понимаем, что просто так человека заставить работать нельзя. Проще заставить воевать, чем работать. Человек будет работать только тогда, когда хочет работать, и все богатство государства — торговля государства с гражданином и успешные попытки завлечь человека на работу. Чтобы это сделать, государство должно предоставить гарантии, которыми, однако, каждый может пользоваться так, как хочет. А государство может оказаться слабым в основной своей силе.

В традиционной семье нахлебниками были те, кто не мог найти работу, приносящую семье прибыль: вдовы, тетки, старики, но они, как правило, старательно выполняли какие-то простые ежедневные функции в доме. В государстве, которое выросло из большой семьи, что делать с теми, кто не хочет работать? Куда их девать? Их можно содержать только тогда, если государство накопило средства или получает прибыль от внешней торговли, которая не учитывается в балансе текущих доходов и расходов одной большой семьи. Или же теми, кто не может работать, можно пренебречь?

В XXI веке мир стал подобен раннему Средневековью, о предчувствии возвращения которого уже сто лет говорят, вспоминая эпоху, когда совершались крестовые походы, а два мира — европейский и неевропейский — жили порознь. Это важно помнить, понимая, что два мира на этой планете пока, кажется, легко могут поместиться, как они помещались столько сотен лет.

* * *

Нефть, газ неестественно соединили страны, которые вполне могли бы жить порознь.

Продажа нефти, газа, также как и сдача внаем территориального рекреационного имущества, — это проституция, продажа того, что нужно использовать в своей стране, в своей семье. Это не значит, что нужно запретить продажу нефти и рекреационных преимуществ, как неестественно требовать запретить заниматься сексом вне семьи. Но продажа нефти не должна стать такой рентабельной, чтобы большинство захотело за счет этого жить.

Сколько мы помним историю, человек жил торговлей. Наибольшую прибыль приносила торговля с “чужими” странами, хотя всегда все торговали внутри своей страны, и это было проще, так что даже школьник мог после школы торговать, предлагая бутылку холодной воды на автотрассе или стоять утром за прилавком и продавать свежие булочки.

Пришло время сказать, что торговля с другими странами должна стать невыгодной. Зачем она? Нет смысла ограничивать свободу внешней торговли, но каждая страна имеет право отягощать внешнюю торговлю по тем или иным товарам, поскольку единственная польза от государства, кроме охранительной, — это стимулирование граждан, чтобы они работали и работали, не нарушая закон. То есть закон должен быть таковым, чтобы его не хотелось нарушать не в силу страха наказания, а в силу согласия с законом. ВТО и все жесткие ограничения этого союза нет смысла отменять, но ВТО будут использовать те страны, которые смогут. Очевидно, нормы ВТО будут постоянно использоваться для конфликтов, но если значение внешней торговли будет падать, конфликтовать по вопросам норм торговли между странами станет сложнее. Самодостаточные крупные страны будут торговать так, как им удобно, конечно, используя все возможные рычаги, включая военную угрозу. Для несамодостаточных стран это создаст импульс к объединению, так что, например, Венеция, которая была когда-то центром мировой торговли и собирается отделиться от Италии, в новое время может оказаться в “конфликте желаемого и действительного”.

Если торгуешь с другими странами, получаешь выгоду (иначе не торгуешь). Иногда эта схема не работает. Например, выводишь в другие страны производство, покупаешь дешевле продукт, далее возникают проблемы: где оставлять прибыль? Если производишь в другой стране, где это дешевле, разумно и прибыль оставлять в

тех странах, где налоги на прибыль меньше. Этот казус не так просто решить. Хуже вот что. Если используешь других, а не своих, если и производишь, и зарабатываешь в другой стране, где это сейчас выгоднее, но хочешь жить в своей стране, как это потом согласовать? Как перевести деньги, ведь легально этого нельзя сделать, поскольку любое государство будет запрещать подобную деятельность. С точки зрения государства все карты открыты, и никто свои крупные компании, финансистов и бизнесменов не хочет обмануть. Государство просит объяснить: почему не можешь использовать в качестве работников наших граждан? Каждый бизнес несет расходы, и в нормальном налоговом климате расходы вычитаются из доходов. Проблема возникает, когда прибыль можно подсчитывать, пользуясь разными законами. Свободная торговля полезна мелкому бизнесу, поскольку все, что можно, и так удастся списать, но крупный бизнес с чистой прибылью в несколько миллиардов попадает в тупик глобализации. Иногда торговля выгодна, поскольку овощи, фрукты, хлопок дешевле купить там, где их выращивают. Это правило работало в прошлом веке. Теперь можно выращивать все, что хочешь, где хочешь, лишь бы кто-то был готов это делать. Никто не будет создавать плантации кофейного дерева в Гренландии или добывать вольфрам в Ницце, так что торговля не исчезнет. Но следует согласиться, что основная задача, которую должно решать каждое государство, — вынудить граждан работать. Иначе данное неспособное государство рано или поздно погибнет, увязнув в проблемах торговли, когда торговцы станут ценнее производителей.

Раньше государства были нужны гражданам, чтобы защищать имущество, границы, охранять устоявшийся строй, а теперь государства нужны, чтобы хоть каким-то образом стимулировать граждан, чтобы они работали, чтобы хоть что-то делали, искали работу. Имущество теперь можно сохранить в любой надежной стране достаточно широкого круга. Пора сказать “Прости-прощай” охранительному государству, государству насилия, но как можно заставить человека в демократическом государстве что-то делать, если легко имитировать беременность, как делают некоторые обезьяны в зоопарке, и получить дополнительный паек? С государством не спорят. Все понимают, что государство — это самый удобный инструмент манипулирования другими. Скажут: должен работать — нет проблем, пойдешь работать, но можно оспорить требование государства, можно убежать внутрь или вне государства. Государство пытается стать эффективным способом обмена граждан, чтобы те были, с одной стороны, защищены от мира, с другой — вынуждены жить в мире, как будто никакого государства и помощника нет. Хорошее государство хитрит с гражданами. Человек должен быть вынужден работать. Ему следует находить работу самому. Это не значит, что все должны работать на фабрике, которую контролирует государство, или трудиться в бюджетной организации. Но нельзя использовать государство, чтобы нейтрализовать природную способность к выживанию, которую бессмысленно подавлять.

Если рассматривать человека и государство с анархической точки зрения — когда и как вечные враги друг с другом поделаются и угомонятся, то государство проиграет человеку, поскольку человек “короче” государства, он смертен и может закрыть любое государство простым движением век, когда покойнику закрывают глаза. Государство так баловаться со смертью не может. Как только кроет государство глаза, никто его больше не вспомнит, любое государство может стать исторической Месопотамией за считанные годы. Граждане должны беречь свое государство, чтобы оно не стало Месопотамией. Хорошо жить в Риме, который мы помним, плохо жить в Риме, который мы забыли.

Человек определяется тем, как преодолевает трудности: что теряет, что остается. Вся жизнь — трудности. Человек не камень, который только вода со временем точит. Государство тоже меняется, может стать другим государством, пройдя через различные испытания, революции, войны, увлечение какими-то идеями, которые, как вода, со временем и камень точат. Есть люди, выдержавшие трудности, таких

уважают. Государства тоже в этом смысле как люди, их уважают, если они выдержали трудности.

Надо хвалить стойкие государства, и история хвалит. В данном случае я не называю государства, которые надо хвалить, но есть державы, которые обязаны продолжать хранить стойкость, поскольку если и они рухнут и развалятся, как великолепный Рим, мы рискуем потерять тысячелетие. Можно сказать, что с упадком Римской империи мы, современные жители планеты, ничего не потеряли. Водопровод, канализация стали лучше, чем в древнем Риме, развлечения, видимо, стали хуже, поскольку был утрачен голый энтузиазм простого наслаждения. Хлеба больше, зрелищ меньше. Хотя что называть зрелищем? Если ходишь на стадион и болеешь за команду, которая выполняет на поле понятные тебе функции, может, это не так зрелищно, как война, в которой в одном только прошлом веке было задействовано столько людей, сколько не жило на всей планете во времена древнего Рима. Невозможно оценить человека и мир, поскольку стоимость и ценности могут быть приобретены таким образом, который исключает возможность сравнения.

Как показала история, которую мы знаем и ценим, государства должны сохранять не свою идентичность, а “личность”, иначе мы мало чем отличаемся от животных, от которых мы и так мало чем отличаемся.

Государства, берегите “личность”!

Государство — это условность. Франция, Германия, Италия — пример государств, которые продолжают жить внутри нового государства. Европейский Союз — это не попытка доминирования, в чем упрекают США. Европейский Союз — это рациональное стремление построить “замкнутый цикл” государств наподобие США+Канада. “Замкнутый цикл” — это самодостаточность. Это новые демократические империи. В новом веке нет смысла открывать Америку, искать и находить короткий путь в Азию, хотя можно прорыть новый Панамский канал в Никарагуа. Современные 3D-технологии позволяют производить любой продукт в любой точке мира. Дальше начинают “купечиться” старые технологии, кипеть старые отношения и связи, которые нельзя признать несущественными. Они есть и будут какое-то время.

Мир на планете Земля нельзя сделать однообразным. Во всяком случае, так видится в ближайшее время на сто лет вперед. Самый лучший сценарий выживания — это локализация географических сегментов роста, чтобы прежняя жизнь существовала в одних сегментах и какие-то группы стран не могли, объединяясь или воюя друг с другом, сформировать варварское нашествие на Рим, если использовать древний Рим как понятие в истории, а не как стигму.

XXI век должен стать эпохой изоляции, изоляции и изоляции. Если вернуться к глобализации, мир в данном состоянии глобализацию не выдержит. Изоляция — выбор нового времени. Изоляция может быть разной. Отшельничество — самый красивый способ изоляции; вспоминаешь Босха — “Иоанн Креститель в пустыне”. Иначе увидишь другую картину — “Апофеоз войны” Верещагина.

Если общества запрещают наркотики, продажу спиртных напитков несовершеннолетним, и чтобы получить право управлять автомобилем на дороге, летать куда хочешь на своем самолете или пойти на охоту, гражданину нужно получить лицензию и сдать тест. Но как можно признать право человека на войну? Об этом даже писали в газетах: как можно запрещать восемнадцатилетним мальчикам пить пиво, но требовать, чтобы они ездили в танках, летали в самолетах и убивали других мальчишек.

Избежать крупной, страшной войны в новое время, наверное, можно только самоизоляцией крупных стран.

Мы должны согласиться, что на определенное время какие-то страны следует оставить в покое, что мы подошли к тому рубежу, когда большие страны смогут использовать мелкие страны, периферийные, но не крупные. Крупные страны, или

конгломераты стран из-за своих размеров уже не помещаются, условно говоря, “в одном бассейне”.

Конец истории, о котором Ф.Фукуяма писал в своей ставшей классической работе, — это уверенность в том, что новой истории как реализации идеала Маркса, Прудона не будет, мир навсегда останется демократически-капиталистическим. Это не значит, что все страны вскоре непременно станут демократическими и капиталистическими. Это значит только одно: пока нельзя предложить человечеству никакой другой работоспособной и продуктивной формы организации общества, кроме как демократический капитализм. Если согласиться с этим (а я согласен в данной работе), то придется признать, что в мире могут существовать абсолютно разные цивилизации, как это и было всегда: и в Новое время, и в Средние века, и в то давнее время, когда десятки тысяч людей в разных концах света — в Египте и Мексике — годами строили величественные бесполезные пирамиды или создавали каменные статуи высотой до двадцати метров на побережье острова Пасхи.

Данная работа не может быть использована для валидации расширения границ государства, вступления в блок с другими государствами или принуждения человека работать или жить там, где он не хочет. В статье говорилось о том, что эпоха насилия завершилась, стала бесполезной. Это не все понимают. Речь идет о самодостаточности и некоторой искусственно создаваемой изоляции, поскольку реальной полной изоляции на этой планете едва ли можно достичь, даже если стремиться.